

В 1884 году вышел роман Жориса Карла Гюисманса (Joris Karl Huysmans; 1848–1907) «Наоборот», воспринятый критикой крайне неоднозначно, довольно сдержанно оценивавшийся самим автором, но тем не менее ставший значительным явлением в литературе, обозначив появление такого нового культурного явления как декаданс.

«Декаданс (фр. *decadent* от лат. *Decadentia* – упадок) – суммарное наименование явлений западной и русской культуры рубежа XIX–XX вв., для которых свойственна мифологизация [конца века]... как эпохи глобального кризиса, переоценки ценностей, «расставаний и ожиданий»...

После того как П. Верлен в стихотворении «Томление (1883) увидел романтического «проклятого поэта» современником римского Д[екаданса] («Я римский мир периода упадка...»), а Ж.-К. Гюисманс в романе «Наоборот» (1884) вывел в лице дез Эссента тип декадентской личности, представив как различные модусы её программного эстетизма и дендизма («искусство жизни»), так и подробный список «декадентских» книг, художников, композиторов разных времён, мифологию Д[екаданса] можно было считать сложившейся...»¹

Несмотря на многочисленные определения и трактовки, декаданс остаётся явлением неоднозначным. Сам Гюисманс полагал, что основную направленность романа «Наоборот» можно обозначить как «эстетизм», признавая, впрочем, что в его произведении не было заложено определённого идейного содержания.

Несмотря на мнение автора, сразу после публикации роман стали воспринимать как программное произведение декаданса, а в его герое видеть яркий пример декадента. Впрочем, впоследствии это не

помешало отнести роман и к такому художественному направлению, как символизм².

Через раскрытие характерных черт литературного героя-декадента мы можем попробовать ещё раз понять и сам роман, и его «мифологию», и то, почему эта новая мифология была воспринята как знаковое явление культуры.

Гюисманс, отдавший дань натурализму в своих ранних произведениях, уже к 1884 году счёл его исчерпанным и находящимся «на последнем издыхании». Учитывая непреходящее увлечение натурализмом в литературе, театре, а в особенности кинематографе на всём протяжении XX столетия и вплоть до наших дней, по-видимому, писатель был не совсем прав. Тем не менее он приступил к написанию нового романа как к произведению, способному нащупать новый художественный стиль эпохи. Спустя двадцать лет писатель признавал, что попытка удалась ему только отчасти – роман «Наоборот» стал неким наброском, получившим дальнейшее развитие уже в других произведениях Гюисманса. Несмотря на это, многие – как недруги, так и доброжелатели – видели в романе «Наоборот» вполне законченное произведение: как уже отмечалось, он был даже воспринят в качестве некой идейной программы, своеобразной «библии декаданса».

Сам роман представляет собой нечто среднее между нескончаемым монологом главного героя и каталогом его пристрастий. Именно главный герой, дез Эссент, «герцог Жан», является смысловой осью, объединяющей замыслы автора, бесчисленные

²См. например: Гюисманс Ж.-К., Наоборот. Роман. Пер. с фр. Кассировой Е.Л. под ред. Толмачёва//Наоборот: Три символистских романа/Сост. И послесл. В.В. Толмачёва. – М., Республика, 1995. В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию.

¹Литературная энциклопедия терминов и понятий/ под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 205 – 206.

перечни предметов искусства и размышления на самые разные темы. Обратился же к человеку, ради которого был написан роман.

Словно извиняясь за дальнейшее, автор сразу даёт понять, что его герой – совсем не герой. Это представитель выродившейся аристократии, унаследовавший от многочисленных воинственных предков («рейтар и вояк», едва вмешавшихся в рамы фамильных портретов) только «необычайно светлую бородку клинышком», – но, впрочем, и «двойственный взгляд – усталый и хитрый».

В этой двойственности, по-видимому, скрываются как основной источник проблем главного героя, так и некоторое двойное дно, добавляющее глубины тому, кто выглядел как «хрупкий молодой человек тридцати лет, анемичный и нервный», с холодными голубыми глазами, аристократическим носом и руками – «сухими и безжизненными».

Получивший вдобавок к религиозному образу ванию немалое состояние, сразу по обретении самостоятельности «герцог Жан» ведёт насыщенный образ жизни, но очень скоро пошатнувшееся здоровье, а главное – скука, заставляют его искать единения, впрочем, в пределах доступности Парижа.

Дальнейший текст романа вполне можно было бы воспринять как некоторое пособие для эскаписта – каждая глава посвящена тем изысканным удовольствиям, которые (при наличии средств) можно получить, уединившись от мира. В процессе созерцания цветов, чтения редких книг или обоняния благовонных ароматов открывается смысл названия романа – «Наоборот».

Вопреки естеству и природе дез Эссент конструирует собственный искусственный, или «оборотный», мир, пользуясь всеми накопленными человечеством богатствами культуры и доступными произведениями искусства. Природа скучна, она не нужна человеку, «давно пора заменить, насколько это возможно, всё естественное искусственным».

Образцом бегства от реальности кажется отказ героя от реального путешествия, поскольку в воображении путешествовать неизмеримо приятнее (и, добавим, безопаснее). Однако всё не так просто: дез Эссент не просто бежит от действительности. Он пытается воссоздать её заново, не останавливаясь перед самыми смелыми экспериментами – попытками создать из живого существа произведение искусства (эпизод с черепахой) или из обычного мальчика – преступника (эпизод в публичном доме).

«Герцог Жан» при всей своей внешней анемичности и кажущемся бессилии со всей очевидностью способен на усилие – пусть и преимущественно внутреннее. Он вполне способен к анализу и трезвой оценке. В его библиотеке «декадентской» литературы преобладают церковные авторы – от святого Блаженного Августина до вдохновителей Каролингского Возрождения. Список более чем интересный – в особенности если посмотреть, что выбирает наш читатель из современной ему литературы. Здесь среди немногих читаемых французских

поэтов – Бодлер. Его почитатель эстет, ему прежде всего нравится язык текста – у Бодлера он «мускулист и крепок». Но кроме прочего дез Эссент ещё и «Альтер эго» Гюисманса, и в своих предпочтениях он обнаруживает то, чего искал в литературе невольный идеолог грядущего декаданса. Главное достоинство Бодлера перед другими писателями эпохи (по мнению как автора, так и его литературного героя) в том, что им была произведено обозначение «самых неопределённых, самых неуловимых болезненных переживаний истощённого ума и скорбной души».

Никакой литературный натурализм (или господствовавший в философии XIX века позитивизм) не давал ответа на глубинные вопросы, мучившие человека на переломе эпох, когда торжество науки и прогресса со всей очевидностью не решало ни социальных, ни общечеловеческих проблем, грозя в будущем невиданными ещё потрясениями, а в настоящем оборачиваясь скукой и пошлостью. «Американская каторга», то, что потом назовут «массовой культурой», предлагала разочарованному человеку и его «скорбной душе» слишком примитивные идеалы и вечные ценности по оптовым ценам. «Живопись увязла в потоке абракадабры...» «Литература потеряла лицо и достоинство...» «Великая американская каторга переместилась в Европу. Конца и края не стало хамству банкиров и парвеню. Оно сияло, как солнце...».

Сам Гюисманс нашёл ответы в религии: всё то, что смутно грезилось его литературному герою в писаниях Блаженного Августина и напевах церковных хоралов, писателю впоследствии открылось в христианстве католического образца.

«Герцог Жан» также жаждал веры, но был раздираем противоречиями, он не мог примириться с общедоступной церковностью, «добренькой верой», его натура требовала куда большего, но, в свою очередь, это требовало куда большего здоровья, а Гюисманс с самого начала дал понять, что его герой человек крайне болезненный. Потрясения «небесные» или «адские» этому организму равно грозили «потерей фосфора».

Весь роман Гюисманса посвящён тому, как, не умея ни примириться с реальностью, ни перестроить её на свой лад, дез Эссент со вкусом создаёт собственный «виртуальный мир». И кончается роман в самый разгар этого эстетского созидания – да и могло ли быть иначе, если герой считает живопись всё большей «абракадаброй», а литературу – потерявшей достоинство. Новый герой эпохи, пытавшийся противопоставить пошлости вкус, а уродству окружающей жизни – красоту уединённого убежища, понимает, что это не в его силах, и с ужасом восклицает: «Людская серость, как волна во время бури. Взлетит до небес и захлестнёт моё прибежище...» И на этом роман заканчивается.

Собственно, в романе нет ничего из того, что впоследствии ставили в вину декадансу – любования упадком, неверия в высокие идеалы или даже

«культу красоты». Главный герой, скорее, декадент поневоле – в силу врождённой слабости организма и тонкого вкуса, а главное – из-за невозможности применить свои немногие силы во времена, когда всем заправляют «банкиры и парвеню».

Казалось бы, нет ничего и достойного восхищения ни в самом романе – если, конечно, не считать таковыми красочные описания диковинок и редкостей (впрочем, сам автор считал это вторичным, своего рода «музыкальным сопровождением»), ни в фигуре «слабого нервами» главного героя. И всё-таки именно «Герцог Жан», вероятно, сделал роман чем-то большим, чем простым описанием симптомов болезни – человека ли, эпохи.

Многое в облике дез Эссента кажется декадентски типичным – от анемичной бледности до способностей часами упиваться запахами редкой орхидеи. Но в том-то и дело, что сам дез Эссент никому не подражал – он так жил просто потому, что это было куда лучше, чем участвовать в жизни того общества, которое он считал каторгой и новым Вавилоном.

Его позиция была продуманным и сознательным выбором – вероятно, этим он и подкупал читателей романа «Наоборот». Благодаря фигуре главного героя романа впервые стало очевидно, что в сложившихся условиях декадентство не просто очередная форма ухода от реальности, не нечто маргинальное, заслуживающее только порицания и исправления, но своего рода творческий акт, родственный вызову, форма протеста против «мерзкой суеты века».

На страницах романа «Наоборот» мы встречаем человека, который оказался не просто жертвой моды (и даже не жертвой эпохи), но, скорее, неудачливым экспериментатором; незаурядную личность,

захваченную врасплох противоречиями времени и собственной двойственной натуры, «маловера, который жаждет веры, мученика жизни, который покинут всеми...».

Герой-декадент в романе Ж.-К. Гюисманса оканчивается «слишком человеческим» – и поэтому в конце концов проигрывает, так и не сумев ничего противопоставить скуке, пошлости и суете своего времени.

Уже его образ отчётливо показывает притягательность декаданса, равно как и то, почему это определение снова и снова применяется к тем или иным явлениям современной культуры – от литературы до музыки и кинематографа.

Таким образом, на основании рассмотрения характерных черт героя романа «Наоборот» можно сделать вывод, что декадентство – не столько красивая поза, сколько определённая жизненная позиция. Это не противоречит и современным трактовкам, предлагающим, в частности, различать «декаданс» как художественное явление конкретного периода истории и «декадентство» как более общее состояние человека в любую эпоху.

Сегодня на родине «американской каторги» существует понятие «избыточное образование», ненужное в работе и только мешающее человеку выполнять свои профессиональные обязанности. И это заставляет вспомнить декадента дез Эссента.

По-видимому, наличие чрезмерного образования, тяга к прекрасному и развитое воображение были проблемой для человека уже во времена Гюисманса.

Герой-декадент романа «Наоборот», «герцог Жан», может быть примером того, как жить с таким бременем на переломе эпох, во времена, когда «деньги всемогущи, а глупость заразительна» – примером если и не положительным, то, без сомнения, весьма поучительным.